

Виктория Арутюнян

Сельское солнце

История одного
писателя

Виктория Ашотовна Арутюнян

Сельское солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29339950

SelfPub; 2017

Аннотация

Незатейливая повесть о деревенском писателе, в котором вы, возможно, узнаете себя или кого-то из своих родных.

Сельское солнце

– Не могу принять, Севостьяныч. Негде опубликовать. Не тот формат, понимаешь...

Большая рука главреда опустилась на стопку листов бумаги в линейку, будто припечатывая: ну не тот формат! И ничего не попишешь.

А писать-то хотелось...

Дед Ермолай виновато улыбнулся, пожал плечами и пошёл к выходу.

Главред крикнул вслед:

– Пиши о реальном! Нам факты нужны.

– Это разве ж не реальность? Она самая и есть, – бормотал незадачливый писатель, уходя.

Всё повторялось с незначительными вариациями вот уже два месяца. По четвергам дед Ермолай надевал васьковскую рубаху, перевязывал ленточкой свои рукописи и отправлялся в редакцию газеты «Вестник села». Ему очень хотелось, чтобы в одном из выпусков напечатали его рассказ. Хотя бы пустячный! Но Михал Игнатьич был неумолим:

– Сам знаешь, Севостьяныч: самодеятельность у нас только приветствуется. Но не в таком же виде!

– В каком?

– Ну вот слушай, – главред откашлялся и начал читать, – «Звёзды, братцы, они ведь тоже живые. И темноты боятся, и льнут друг к другу, будто дети малые. Падать на Землю им ох как страшно...» Это как, по-твоему?

Дед Ермолай смотрел с недоумением.

– А что? Боязно им, звёздам-то. Вот ты видел небо ночное?

– Видел, конечно, – вздыхал Михал Игнатьич. Он с тоской вспоминал детство. Ещё мальчиком будущий главред бродил по селу с друзьями, любовался небом и верил во что-то хорошее и великое. Прошло много лет. И что же? Приходится сидеть в крошечной комнатке и слушать всяких сумасшедших... Разве об этом он мечтал!

От этих мыслей главреду становилось ещё грустнее, и он ругался:

– Я вам что, один на всех? Дела у них... А Михал Игнатьич должен выполнять чужую работу! Что ты пишешь, Севостьяныч? Какие звёзды? У нас деловая газета для сознательных граждан!

Говорил и морщился: звучало слишком официально, но другие слова в голову почему-то не приходили. Дед Ермолай вздыхал. То ли сочувственно, то ли укоризненно.

– Ладно, – смягчался главред, – попробуй другую тему.. хм-хм... осветить. Напиши, например... э-э...

Михал Игнатьич смотрел в окно. Огромное сельское солнце висело над холмом. Неподалёку стояла корова и флегматично жевала траву.

– Вот! И как это я забыл! Об удоях напиши! У нас по этому вопросу материала хоть отбавляй, а писать некому. Им же политику подавай, новости села или поздравления на по-

следней странице... Интересное, в общем. А разве хозяйство – неинтересная тема? Вся деревня на этом и стоит. Они не понимают. А кто дела делать будет? Опять Михал Игнатьич? Уволить всех!

– Да ты не сердчай, – говорил дед Ермолай, – сам знаешь, нынче времена непростые.

– Знаю! Не понаслышке! – главред входил в раж, оттягивал воротник рубашки. – С удоями плохо! С репортажами и того хуже! Молодёжь социально пассивна! Севостьяныч, хоть ты-то не расстраивай!

– Понимаю, понимаю...

Рассказ – поход в редакцию – отказ. Снова и снова. Газета «Вестник села» продолжала существовать, несмотря на сократившийся штат. Со страниц вещали чиновники и другие известные люди. Раздел «Экономика» содержал сложные статистические таблицы, культурный сектор был представлен стихотворениями в честь именинников и объявлениями о продаже яблок и аккордеонов. Даже фотографии имелись.

– И это культура, – ворчал дед Ермолай, – «Куплю б/у автомобиль...», «Дорогую Елену Александровну поздравляют соседи...», «Восьмого августа проводится ярмарка...»

Почтальон Серёжка, только-только окончивший училище, аккуратно доставлял газету жителям села по средам. Иногда он задерживался у дома Севостьяныча, чтобы послушать, что скажет старик о новом выпуске.

Дед Ермолай поднимал глаза к небу, с которого смотрело солнце.

– Вот оно... Солнышко наше... Живительная сила. Сколько радости приносит! С урожаем помогает... Как же об этом не писать?

Серёжка молчал, сдвинув поношенный картуз на затылок. Тоже смотрел на небо, шурился, улыбался чему-то. За забором кукарекал петух. Будто смеялся.

Гостей Севостьяныч принимал редко. Жил на краю села. Тихо, по-стариковски. Ходил на рыбалку, собирал урожай, пилил, рубил, красил. Бродил по рынку, удивлялся: чего только не придумают! И комбикорм привозят, и корзины плетёные, и радиоприёмники, и автомобильные шины... Умные люди, дельные. А главного-то и не видят...

Дочь приезжала, когда находилось время. Иначе говоря, пару раз в год. Уговаривала отца перебраться в город. Вот и она теперь – городская...

– Папа, так нельзя! Живёшь один в глуши... А если случится что? Я буду чувствовать себя виноватой!

«В глуши, – с горечью говорил себе Севостьяныч, – сама-то где выросла, Оксанка? Не в этой ли глуши?»

– Ты подумай! Квартира на втором этаже, телевизор, все удобства... Парк рядом!

– Какой у вас в городе парк, дочка? Одна аллея да деревца чахлые. И телевизор мне без надобности. Выйду на улицу – вот где события! А воздух здесь целебный, ей-ей! Ты

разве забыла, как бегала по селу, цветы собирала, скотину кормила? Не думала тогда об удобствах-то!

Оксанка неловко улыбалась. Она всё помнила. Но это дело прошлое, годы пролетели...

– А всё-таки никуда это, пап, не годится!

Хорошая дочка, заботливая. Только не понимает, что Севостьяныч к земле родной накрепко прирос – не оторвать...

Разговор откладывался до следующей встречи.

Внук рос – на радость деду. Мог и велосипед починить, и забор поправить, даром что молоденький совсем. Но и ему в городе непросто приходилось. Приедет, гостинцы привезёт, поможет Севостьянычу по хозяйству... А потом сидит в своих... как их... гаджетах ночи напролёт. Улыбается устало:

– Работаю, дед! Каждый час дорог. Начальник ждать не будет!

«Гад-же-ты, – думал дед Ермолай, – слово-то говорящее: ну и плохой же ты, мол, человек! А мой Лексей добрый, порядочный... Поменьше бы ему с этой техникой возиться...»

– Поешь хоть! Чем богаты, – Севостьяныч суетился, доставал скатерть с подсолнухами, угощал внука салатом, мясом с рынка, деревенским творогом и чаем с конфетами. Больше у него ничего и не было. Бабки уж, почитай, пять лет нет. Готовить некому.

– Отдыхай, дед, я сам! – Алексей ловко нарезал колбасу, делал бутерброды.

– Отойду к Господу – там и отдохну! – улыбался Севос-

Стьяныч.

– А ну-ка брось! Ты нам и здесь, на Земле, жизненно необходим...

Так шло время. Внук уезжал в город, а дед Ермолай оставался. Провожал дни один за другим, кормил кота. Журил:

– Ты, Котофей, уж и мышей не ловишь! Пошто ленишься? Дымчато-серый кот преданно смотрел в глаза. Громко мяукал по утрам.

– За петуха работает, – объяснял дед Ермолай Серёжке, – Будит чуть свет...

По вечерам Севостьяныч сворачивал сигарку, садился на брёвна под звёздами. Красивое небо. Бездонное. Волшебное! Чертит звезда ровную дорожку, катится прочь с небосклона и исчезает где-то. Пока несётся к Земле, замирает от страха. Встречают её городские огни. Каких только нет: жёлтые, красные, оранжевые, молочно-белые, золотые! Отражения их дрожат в воде. И всё бы ладно, всё хорошо... Да вот бледные эти огни, неподвижные, молчаливые. Посмотришь – закручинишься: что-то большое и значительное из виду упустил, поверил в важность ночных маячков. А разве мало огней-обманок? Заведут неведомо куда и оставят наедине с собой. Думай, человек, как выбраться! Кумекай, соображай, на то нам голова и дана...

Так и жизнь пройдёт.

Дед Ермолай перебирал воспоминания. В молодости-то на *философию* времени не оставалось. Работает, бывало,

сутками. Строишь, пилишь, копаешь, чинишь... Надеешься на лучшее. Вот наступит миг... И в дом придёт счастье! Свернётся калачиком в уголке, будто кот или ещё какая зверушка малая, и никогда больше с места не сдвинется.

Где этот миг? Река жизни текла плавно. Не обошлось и без водоворотов, конечно... Но это мелочи. А счастье-то, кажись, прозевал! Какое оно, счастье? Не эти ли тихие раздумья? Может, оно самое ценное и есть?

Теперь вот – звёзды...

В темноте огонёк самокрутки был едва различим. В соседнем доме, глядя в окно, вздыхала старушка. На улицу не выходила – холодно. Любимый тёплый платок пропал куда-то. Не иначе как проказник домовый утащил! Свил уютное гнёздышко и спит сладко, в ус не дует...

Старушка добродушно усмехнулась: дожила! Сказки самой себе рассказывать приходится.

– Сидит, болезный, – она устремила взгляд в окно, – всё сидит...

Соседка торжественно обещала приготовить вишнёвый пирог и угостить старика, чтобы ему жилось веселее. Ведь не просто так сидит человек вечером в саду! И покормить, верно, некому...

Она была приезжая и потому не знала, что ежевечерние размышления стали для деда Ермолая доброй традицией. Звёзды успокаивали. Вдохновляли. И уже ближе к ночи Севостьяныч уходил в свой домик, начинал писать.

– Глядишь, и получится дельное что-нибудь, – разглаживая бумагу, бормотал он, – а вот мы ещё чайку нальём...

Звездопад продолжался.

Свет в редакции не горел. Михал Игнатъич давно был дома, пил *кофей* с сахаром вприкуску и смотрел балет. Кустистые брови его поднимались и опускались в такт прыжкам и фуэте.

– Что смотришь-то на них? Взглянуть не на что!

Недовольная жена подошла к зеркалу и поправила причёску.

– Делом бы лучше занялся. Крышу перекрыть пора... Будка собачья развалится скоро! А он к искусству приобщается! Дивитесь, люди добрые!..

– Не серчай, Марья, – примирительно сказал главред, – почию.

Он переключил канал. Подтянутый телеведущий со скоростью не меньше ста слов в минуту рассказывал о закулисье шоу-бизнеса.

Тоска...

На улице замычала корова. Михал Игнатъич вспомнил статью об удоях.

– Как там дела у Севостьяныча? Получается что-то? – рассуждал он вслух. – Дело сложное.

У Севостьяныча не получалось. Главред забраковал уже семь рассказов.

«Корова – она как человек. Будешь любить животное – ответит благодарностью, подсобит в труде...»

«Коровы – кормилицы наши. Ты в глаза им погляди! Человечьи глаза-то!»

«Молоко – самая что ни на есть народная пища. Куда без него?»

«Ласковому человеку мир улыбается. А в нашем селе самые сердечные люди живут...»

Михал Игнатъич терпеливо объяснял:

– Вот ты тут написал, что, мол, ласковым мир улыбается. Прочитает этот репортаж наш Фёдор – Федорино Горе – обидится.

Федориным Горем называли заместителя главы сельской администрации. Он постоянно негодовал, критиковал любую работу и сетовал на несправедливость жизни.

– Понимаешь, да? Он радости ни в чём не находит.

– Как не находит?! А пруд с карасями... – заспорил дед Ермолай.

– Ему эти караси даром не нужны! Так вот: прочитает и обидится. Поэтому бросай свои *стихотворения в прозе* и пиши по существу. Как маленькому, одно и то же по сто раз повторяю!

– Старики – что дети малые, – бормотал Севостьяныч, – от них и ждать нечего...

Снова приехал внук. Дед Ермолай пожаловался ему:

– Ни на что, Лексей, я уж больше не гожусь!

– Откуда такой пессимизм? – внук хмурился.

– Да вот, – Севостьяныч махнул рукой, – Михал Игнатьич говорит, что писать надо иначе. А я-то и не умею... Наверно, пора бросать эту затею.

– Дай-ка посмотреть! – Алексей терпеливо читал забракованные статьи. – Ты слишком строг к себе. Свежий взгляд, актуальность темы... Дауншифтинг! Люди хотят понимать природу, чувствовать атмосферу жизни в деревне, на открытых пространствах... Воздухом чистым дышать хотят!

Внук прошёлся по комнате, вспоминая что-то.

– Может, я этим вопросом займусь? Рассказы, конечно, стоит подкорректировать... Гхм, отшлифовать. И будет тебе статья! Не в «Вестнике села», а в столичном журнале! Есть ещё много вариантов. Например... Хочешь зарегистрироваться в тематической социальной сети?

Алексей вырос хорошим человеком. Но иногда он изъяснялся на малопонятном языке.

– Что ты говоришь, в толк не возьму... Даунлифтинг какой-то приплёл... Да и с регистрацией проблем много будет. Столько бумаг собирать – конца и края нет, ей-богу! Мне бы рассказ напечатать...

– Ладно, – ответил внук, – повременим с современными технологиями. Напиши что-нибудь о природе! В своей манере. Ничего не меняй! Мы, мол, устали от городской жизни, мечтаем вернуться к корням... Ну, сам знаешь, как это делается, не мне тебя учить. А я позвоню Володьке.

Он уехал. Пора было выходить на работу. Сверять аналитические отчёты, сравнивать документы, налаживать контакты через профессиональные сети... Чем ещё занимаются люди бизнеса?

Тем временем дед Ермолай взялся за дело. Со всей ответственностью взялся! Он решил написать лучший рассказ в своей жизни. Отложил всю работу, кроме самой необходимой, и погрузился в творчество.

Целыми сутками сидел Севостьяныч в саду. Иной раз увлекался так, что не замечал, как ночь сменяет день.

– Вот чудеса! – восклицал он в такие моменты. – Скрылось солнышко, укатилось с небосклона... Вернётся завтра, порадует теплом да лаской. Доживём, Бог даст, увидим...

Дед Ермолай вспоминал молодость. Яблоньки, которые сажали всей семьёй. Гостей в доме. Весело жилось, несмотря на трудности. И ничего лучше не было, чем выйти на улицу с утра пораньше, пока все спят. Темнота только-только начинает отступать, ночь срывает покровы с бледного неба... Она неспешно собирается и уходит вдаль. Слышатся шорохи. Это волочится по траве сине-фиолетовый подол платья Ночи-Царицы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.